

УДК 94(47)

**КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НА КУБАНИ В 1922 ГОДУ:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ**
А.С. Малахова, С.Н. Малахов

**THE CAMPAIGN TO SEIZE CHURCH VALUES
IN KUBAN IN 1922:
PUBLIC MOOD IN THE EASTERN REGIONS**
A.S. Malakhova, S.N. Malakhov

Аннотация. В статье рассматриваются политические причины, вызвавшие изъятие церковных ценностей, и общественно-политическая ситуация, сложившаяся в центре и на юге России в период проведения этой кампании. Выявлены главные задачи, которые ставила перед собой советская власть в борьбе за церковное имущество. Показано отношение канонической Российской (Русской) Православной церкви и ее реформаторского крыла в лице обновленцев к проводимой реквизиции. На основе архивных материалов изучаются особенности подготовки и проведения кампании по изъятию церковных ценностей в Армавирском (Лабинском) и Кавказском отделах Кубано-Черноморской области. Дается анализ общественных настроений в восточных районах этой области и отношения к изъятию со стороны священнослужителей, прихожан, советских государственных служащих. Выявлены причины слабой результативности и затяжного характера проведенных мероприятий.

Abstract. The article deals with the political reasons that caused the seizure of church valuables, and the socio-political situation that developed in the center and south of Russia during the period of this campaign. The main tasks that the Soviet authorities set in the struggle for church property were identified. The attitude of the canonical Russian Orthodox Church to the ongoing requisition and its reformist wing represented by the Renovationists is shown. On the basis of archival materials, the features of the preparation and conduct of a campaign to seize church valuables in the Armavir (Labinsk) and Caucasian departments of the Kuban-Black Sea region are studied. An analysis of the public mood in the eastern parts of this oblast is given and the attitude to requisition on the part of clergy, parishioners, and Soviet civil servants is described. The reasons for the poor performance and the protracted nature of the arranged activities are identified.

Ключевые слова: Кубано-Черноморская область, изъятие церковных ценностей, Российская Православная Церковь, Армавирский (Лабинский) отдел, Кавказский отдел, комиссия, священнослужители.

Keywords: Kuban-Black Sea region, seizure of church property, Russian Orthodox Church, Armavir(Labinsk) department, Caucasian department, commission, clergy.

Летом 1921 г. в Поволжье разразился катастрофический голод, унесший около 5 млн человеческих жизней. Голод был вызван совокупностью сложившихся по итогам Гражданской войны неблагоприятных социально-политических причин и небывалой засухой, поразившей зерновые районы Среднего

Поволжья весной 1921 года. Русская Православная Церковь в лице Святейшего Патриарха Тихона тот час же обратилась с воззванием «К народам мира и православному человеку» об оказании помощи бедствующему населению: «Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода...» [1, с. 145]. Однако созданный осенью 1921 г. Церковью Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим власть посчитала «излишним», опасаясь роста авторитета Церкви, и потребовала собранные деньги сдать правительственному Комитету [1, с. 149]. Усугублявшуюся ситуацию с голодом советская власть решила использовать для ослабления позиций Российской Православной Церкви. Несмотря на то что ещё 6/19 февраля 1922 г. патриарх Тихон разрешил церковно-приходским советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, и это разрешение было подтверждено в свою очередь советским правительством, поскольку церковное имущество считалось национализированным и переданным в пользование религиозным общинам, тем не менее, этот шаг со стороны Церкви власть не удовлетворил.

23 февраля 1922 г. был опубликован специальный Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». Он вышел в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества и гласил: «Предложить местным Советам в месячный срок со дня опубликования сего постановления изъять из церковных имуществ, переданных в пользование групп верующих всех религий, по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра, камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать в органы Народного Комиссариата Финансов со специальным назначением в Фонд Центральной Комиссии помощи голодающим» [1, с. 148].

Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного комитета был воспринят неоднозначно в церковных кругах, поскольку изъятие по признаку материальной ценности всех предметов культа вступало в противоречие с канонами Св. Церкви и могло расцениваться как акт «кощунственно-святотатственный, за участие в котором миряне, по канонам Церкви, подлежат, – как писал митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин, – отлучению от церкви, а священнослужители извержению из сана» [1, с. 152]. Священные предметы предполагалось обратить в лом, переплавить и использовать для покупки продовольствия за границей.

Поскольку члены комиссий по изъятию церковных ценностей имели смутное представление о церковном праве, патриарх Тихон был вынужден вновь обратиться через «Известия ВЦИК» к властям, к комиссиям при Помголе, чтобы они с «должной осторожностью» подходили к «ликвидации» пожертвованного церковного имущества, не допуская кощунства, и ещё раз уточнил, что подлежать утилизации из церковного имущества могут только: «...подвески, кольца, браслеты, пожертвования для украшения икон, предметы церковной утвари, неприменяемые для богослужения и старое серебро – лом...» [2].

После опубликования Декрета ВЦИК в центральной печати постановлением Кубано-Черноморского облисполкома 2 марта 1922 г. была создана областная комиссия по изъятию церковных ценностей в помощь голодающим, которая приступила к работе с 6 марта [3, л. 1, 3]. Областную комиссию возглавил председатель Краснодарского отдельского исполкома Шевченко, членами комиссии были зав. отделом юстиции Базаров, зав. областным финотделом Кальнин, зам. председателя областного Па Белоусов. На первом заседании комиссии в нее были кооптированы с правом совещательного голоса бывший инструктор отдела юстиции по отделению церкви от государства Белоусов и сотрудник ГубЧК «по церковным делам» Герцман. В каждом отдельском центре Кубано-Черноморской области создавались свои комиссии, подчиненные краснодарской комиссии [3, л. 1]. Позднее в состав областной комиссии были включены от Кубано-Черноморского епархиального управления протоиерей Федор Делавериди и ряд мирян [3, л. 3, 14].

В марте 1922 г. на совещании благочинных Кубанской и Черноморской епархий, прошедшем под председательством епископа Кубанского и Краснодарского Иоанна (Левицкого), было решено «принять самое активное участие в проведении в жизнь означенного декрета» [3, л. 17]. Областной комиссией на основе предложения, поступившего из епархии, был определен минимум предметов, предназначенных для церковно-богослужебных целей, в частности, для однопрестольного храма: один ковчег, одно большое и два малых Евангелия, два напрестольных креста, две чаши, два дискаса, две ложки, три тарелочки и два ковшика. Для двух и более престольных храмов: два ковчега, два больших и четыре малых Евангелия, два напрестольных креста, две чаши, два дискаса, две ложки, три тарелочки и два ковшика. Кроме того, необходимыми для священника признавались Дароносица, крест и кадило. По инструкции изъятию из церковных имуществ подлежали только предметы из золота, серебра и камней. В первую очередь изъятие проводилось в наиболее богатых храмах, монастырях, синагогах и часовнях, после составления описей, получения разрешения из областной комиссии; изъятые имущество направлялось в финотделы отдельных комиссий [3, л. 36].

Организационная и разъяснительная работа заняла почти два месяца и непосредственная кампания по изъятию ценностей и церковного имущества на Кубани началась только после 26 апреля. Целям и задачам конфискационной кампании много внимания уделялось на страницах официальной кубанской прессы. По подсчетам А.Ю. Рожкова, в областной партийной газете «Красное знамя» с 23 февраля по 10 мая было опубликовано более 20 статей и других материалов о голоде, о необходимости изъятия ценностей, о том, как эта кампания ведется в Центральной России, о реакции населения и духовенства на действия государства [4, с. 130]. По оценке партийных властей на Кубани складывалась относительно благоприятная обстановка с изъятием церковных ценностей [5, л. 177], поскольку епископ Кубанский и Краснодарский Иоанн, склонившийся в обновленческий раскол в 1922 г. был лоялен по отношению

к советской власти [6, с. 50–58]. Он провел совещание благочинных Кубанской и Черноморской епархий, на котором было принято решение о необходимости помощи голодающим. Через газету «Красное знамя» 25 марта епископ Иоанн призвал священнослужителей и верующих «к самому щедрому пожертвованию церковных ценностей во имя Христа и ради спасения человеческих жизней», уверяя верующих, что, «если Церковь обеднеет внешне – материально, то, несомненно, она обогатится внутренне – духовно» [7]. Разъяснения о необходимости помощи голодающим на приходах владыка возлагал на настоятелей и благочинных, которые в своей основной массе безропотно приняли сторону и рекомендации в этом вопросе епископа Иоанна и обновленческого епархиального управления. Этот шаг был оценен должным образом партийным руководством, которое в передовице «Красного знамени» отметило: «Кубано-Черноморское духовенство стало на единственно правильную точку зрения, из которой исходили и РКП, и ВЦИК» [8].

Однако на характер взаимоотношений между властью и церковными структурами на Кубани влияли как директивы из центра, тональность которых зависела от и сопротивления тихоновцев начавшимся реквизициям, так и степень антирелигиозная радикальности местных представителей власти. Отмечается нарастание обвинений, раздававшихся в отношении церковников в кубанской прессе с конца апреля 1922 г., часто превращавшееся в оголтелое шельмование «реакционного» духовенства и «отсталого» клира [9; 4, с. 132]. Это привело в конечном итоге к тому, что в ходе изъятия церковных ценностей в 1922 г. было расстреляно и замучено лиц духовного звания: на Кубани – 69, в Черноморской губернии – 37 человек [10, с. 320].

Возросшая нервозность представителей власти была вызвана тем, что на кампанию по изъятию церковных ценностей правительством отводился месяц, но даже в центральных губерниях, в Петрограде и Москве, с выполнением этого плана запаздывали, встретив сопротивление со стороны верующих. Церковь пыталась не допустить изъятия имущества, используемого в богослужении, оставляя минимум необходимых литургических предметов для каждого престола в церкви (которых часто было два и более), но председатель ВЦИК М.И. Калинин требовал оставлять на всю церковь только один комплект [1, с. 171]. В апреле 1922 г. Церковь фактически смирилась с изъятием имущества. Митрополит Петроградский Вениамин призывал паству не конфликтовать с властью, указывая, что «при изъятии церковных ценностей, как и во всяком церковном деле, не может иметь место проявление каких-либо политических тенденций»; он обращается к верующим со словами: «Проводим изымаемые из наших храмов церковные ценности с молитвенным пожеланием, чтобы они достигли своего назначения и помогли голодающим» [1, с. 170].

Следует подчеркнуть, что развернутой в марте–апреле 1922 г. антицерковной кампании председатель СНК В.И. Ленин придавал особое значение. Судя по содержанию его секретного письма членам Политбюро (19.03.1922), его прежде всего интересовали не судьбы голодающих, а возможность сохранить власть,

укрепить ее финансово и нанести удар по Церкви: «...мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...» По планам Ленина изъятие церковных ценностей должно было укрепить позиции Советской России накануне и в ходе международной конференции в Генуе; он надеялся получить фонд «в несколько сотен миллионов рублей (а может быть и несколько миллиардов)», используя ситуацию с голодом и настроениями крестьянства. Эти установки партийно-государственного руководства по ликвидации «черносотенного духовенства» при проведении «самым решительным и самым быстрым образом» [1, с. 154, 155] изъятия церковных ценностей проявлялись в темпах и методах работы и кубанской комиссии, а также агитационной кампании вокруг нее.

Известно, что работа Генуэзской конференции проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 г. Ленин не был уверен в положительном исходе этих переговоров для Советской России и торопил членов Политбюро с принятием решительных мер против Церкви, поскольку предполагал, что после Генуи «жесткие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть даже чересчур опасны». Поэтому требовал немедленного разгрома «черносотенного духовенства» [1, с. 155]. Эту репрессивную линию (смертные приговоры духовенству и мирянам), как показали церковные процессы по событиям в Шуе и Москве, поддерживали В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий и В.М. Молотов [11, с. 197–198, 213–214; 12, с. 46]. Ответственным за агитационно-пропагандистское освещение кампании по разгрому церкви в провинциальной периодике по предложению Троцкого был назначен начальник РОСТА Я.Г. Далецкий [11, с. 490–491]. Одновременно с конфискациями началась подготовка по фабрикации судебного процесса над патриархом Тихоном. За «контрреволюционную» позицию, в частности по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей» по ст. 62 и 119 УК РСФСР, он с 6 мая был взят под домашний арест на Троицком подворье [13].

Параллельно при поддержке ГПУ 12 мая 1922 г. лидеры обновленческого движения А.В. Введенский и В.Д. Красницкий потребовали отставки патриарха и созыва Поместного Собора. Раскольники узурпировали церковную власть, создав Высшее Церковное Управление (ВЦУ), которое стало главным руководящим органом обновленческого движения. Его возглавил бывший епископ Владикавказский и Моздокский (в расколе «митрополит») Антонин (Грановский) [14, с. 168–172], который был в 1921 г. запрещен в священнослужении патриархом Тихоном за введение литургических новшеств. Антонин (Грановский) в интервью «Известиям» 23 марта 1922 г. заявил о том, что не согласен с патриархом по вопросу об изъятии церковных ценностей, после чего, по инициативе Л.Д. Троцкого, он был как «пояльный епископ» приглашен поучаствовать в работе государственной Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол) чтобы внести в ряды духовенства раскол, выступая за передачу властям всех ценностей, включая евхаристические сосуды.

Политбюро ЦК РКП(б) утвердило его членом ЦК Помгола своим постановлением от 13 апреля 1922 г. – как представителя «советского» духовенства для «работы по реализации церковных ценностей» [15, с. 682–684]. 13 мая 1922 г. Антонин (Грановский) присоединился к группе «прогрессивных» петроградских, московскими и саратовских священников и подписал вместе с ними опубликованное на следующий день в «Известиях» воззвание «Верующим сынам Православной Церкви России», в котором «деятельность советской власти называлась «борьбой за благо и счастье человечества», осуждались как «контрреволюционеры» иерархи и пастыри, противодействовавшие изъятию церковных ценностей, предлагался немедленный созыв Поместного Собора «для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса управления церковью и об установлении нормальных отношений между нею и советской властью» [14, с. 168–172].

Таким образом, кампания по изъятию церковных ценностей сопровождалась попыткой со стороны государства осуществить антицерковный переворот, расправиться с Российской (Русской) Православной Церковью за ее оппозиционное отношение к советской власти.

На этом общеполитическом фоне разворачивается кампания по изъятию церковных ценностей в Кубано-Черноморской области, в которой прослеживаются как общероссийские тенденции, обусловленные единым подходом в осуществлении политики конфискации церковного имущества и ее агитационно-пропагандистским обеспечением, так региональные особенности, возникшие в силу социально-исторических обстоятельств.

Армавирский (Лабинский) и Кавказский отделы Кубано-Черноморской области располагались в восточной части области, где еще продолжалась борьба с повстанческим движением, поэтому решения местных органов власти о проведении кампании по изъятию церковных ценностей проводились с негласной опорой на решительную и однозначную позицию в этом вопросе подразделений РККА.

22 марта 1922 г. Лабинский волостной исполком Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов провел объединенное заседание с волостным парткомом РКП(б), Комитетом общественной взаимопомощи, Политотделом 4-й Петрокавдивизии, местного духовенства, приходских советов и верующих религиозных культов и вероисповеданий по вопросу изъятия церковных ценностей [16, л. 3]. Протокол заседания был распечатан типографским образом в форме плаката и размещался в церквях и публичных местах. Собранным были изложены основные положения Декрета ВЦИК от 23 февраля и обсужден порядок учета драгоценностей и имущества церквей и молитвенных домов всех религиозных культов. От духовенства на собрании присутствовали прот. К. Руденко, благочинный М. Бессонов, священники Г. Стрельбицкий, П. Соколов, дьяконы и псаломщики, а также члены приходских советов. Свящ. Григорий Стрельбицкий разъяснил верующим, что изъятие осуществляется согласно Декрету ВЦИКа и по постановлению Кубчерноморской облкомиссии

№ 57, опубликованному в газете «Красное знамя» от 11 марта 1922 г. Предполагалось первоначально описать и поставить на учет все церковное имущество и отправить ведомости в областную комиссию, а потом по ее решению приступить к изъятию «лишних драгоценностей» в пользу голодающих. Такая формулировка входила в противоречие с требованием декрета об изъятии из церковного имущества «всех драгоценных предметов» [16, л. 3].

Представители власти требовали провести кампанию «безболезненно и срочно», декрет ВЦИК обсуждению не подлежал, поскольку «он вызван не желанием грабить церкви и молитвенные дома, а необходимостью помочь 35 миллионам тружеников Поволжья». В качестве аргумента использовались и угрозы: «Лучше поскорее отдать этим голодающим все лишнее, что имеется у нас в церквях, нежели ожидать, пока все эти голодные толпы бросятся к нам»; представитель от 4-й Петрокавдивизии намекнул собравшимся, что многие красноармейцы имеют родственников в Поволжье, которые умирают от голода, и могут не понять затянувшихся дискуссий о сдаче «лишних драгоценностей» из церковного имущества. Прот. Карп Руденко отметил, что он не возражает против изъятия, но «золота в местных церквях нет, а серебра мало» [16, л. 3]. Представители церковно-приходских советов выражали сомнение, что собранное дойдет до пострадавших, кроме того, изъятие «ценностей» оскорбляло чувства верующих, которые лично жертвовали предметы культа в церковь и рассматривали их, даже в церкви, как свою собственность. На заседании выяснилось, что церкви лишились своих ценностей еще в 1920 г. после прихода к власти ревкомов и борьбы с беспризорностью, на которую население жертвовало личное и церковные имущество.

Несмотря на разногласия мнений, собрание в Лабинске вынесло решение: 1) шире развернуть агитационную работу среди населения со стороны священнослужителей при разъяснении содержания Декрета; 2) создав комиссии, описать и взять на учет все ценности; 3) «лишние» драгоценности, без которых можно обойтись при богослужении, сдать государству, выбрав представителей для сопровождения этих вещей в центральную комиссию.

В состав Лабинской волостной комиссии были избраны от духовенства священ. Павел Соколов, от приходских советов Коробов и Новицкий, от исполкома секретарь волостного парткома РКП(б) Маляренко от Комитета взаимопомощи П. Лысенко. Комиссия в Лабинской волости приступила к работе с 23 марта 1922 г. [16, л. 3].

Немногочисленные письменные отчеты уполномоченных, поступавшие в отдельные комиссии по изъятию церковных ценностей, позволяют увидеть проблемы, с которыми сталкивались комиссии при работе в станицах и хуторах. В них дается оценка настроений населения, его отношения к советской власти.

В докладе райуполномоченного Б. Галкина в партком РКП(б) Кавказского отдела сообщается, что «в большинстве церквей отсутствуют книги описей церковных ценностей», а наличные вещи не соответствуют содержанию описей, если таковые сохранились. Население настроено почти

враждебно к советской власти, которое можно охарактеризовать как «скрытое недовольство» (ст. Ильинская). Изъятию церковного имущества не препятствуют там, где велик авторитет священника, но где он не ладит с приходом, там верующие сами вынуждены следовать требованиям Декрета, «но при описи держатся пассивно». Максимальное недовольство проявлялось в ст. Ильинской, где приход был на стороне «мирян-жертвователей» и тех, кто «сильно был ущемлен разверсткой хлеба». Здесь священник Георгий Зибиров не признавал ни декрета, ни призывов духовенства о помощи голодающим. Особую протестную активность проявляли женщины, которые заявляли, что «церковь отделена от государства, что Советская власть хлеб забирает, а теперь и до церквей добирается». Члены комиссии обратились к свящ. Зибирову, чтобы он урезонил своих «духовных детей» и «усмирить истеричную толпу», но он отказался это делать, как и ставить подпись в акте об изъятии ценностей из Ильинской церкви, заявив: «Если у вас есть власть, то забирайте, обдирайте церкви» [17, л. 1–1об]. Уполномоченный делает вывод, что в благочинническом округе свящ. Пособило (это станица Ильинская и другие, входящие в Тихорецкий округ) разъяснительной работы по предстоящему изъятию ценностей никакой не велось [17, л. 2].

Представители волостных органов часто уклонялись от работы в комиссиях по причине болезни, не желая портить отношения с «обществом» [17, л. 2]. Свой доклад в Кавказскую отдельскую комиссию Б. Галкин отправил 27 мая 1922 г. Изъятие церковных ценностей еще продолжалось, выйдя за рамки определенного властью месячного срока. «Мое мнение, – пишет Галкин, – без предварительной глубокой агитации изъятие ценностей производить нельзя, ибо это может вызвать нежелательные эксцессы» [17, л. 2].

Описи церковного имущества, акты изъятия ценностей поступали в отдельскую комиссию с запозданием по причинам отсутствия подписей, или священников, или болезни членов комиссии [17, л. 2].

Разъяснительную работу среди граждан о необходимости изъятия ценностей было трудно проводить по причине начавшихся весенне-полевых работ. Восточные районы Кубани также были затронуты голодом 1921 г. Уполномоченный сообщает: «...Очень трудно сейчас собрать граждан [станицы], и так опустели в связи с весной, все находятся в поле, стараются хоть сколько-нибудь засеять, тем более что отсутствие живого инвентаря привлекает на пахоту всю работоспособную семью; есть случаи запряжения в плуг людей, и пахота сохами при помощи живой человеческой силы...» [17, л. 2].

Об общественных настроениях во время изъятия церковных ценностей в станицах Кавказской, Темижбекской, Расшеватской сообщает в своем докладе 7 мая 1922 г. уполномоченный Кравченко. Он в станице Расшеватской проводил 1 мая собрание, разъясняя необходимость учета и изъятия ценностей «для спасения голодающих». Главными оппонентами его были церковный староста и члены церковного совета, которые заявили, что «они к учету [уполномоченного] допускают, но на изъятие они согласия не дают,

так как на это необходимо согласие народа всей станицы». Священник Николаевской церкви Ст. Бесчастный заявил со своей стороны, что поскольку церковь отделена от государства, то на учет и изъятие необходимо предписание от архиерея (т. е. епископа Иоанна Левицкого. – *Авт.*). Однако после недолгих переговоров священники ст. Расшеватской Безчастный (Николаевская церковь) и Д. Архангелов (Вознесенская церковь) обязались, что «на первом же богослужении в их церквях они докажут верующим, что изъятие церковных ценностей необходимо для спасения голодающих» [17, л. 128–128об]. Опись имущества и его оценки церквей ст. Расшеватской была произведена, и настоятелей и церковные советы обязали «по первому требованию высших властей изъять [церковные ценности] в помощь голодающим» [17, л. 129].

Встречались священники, которые активно включались в проводимую кампанию. Свящ. Слюсарев выступил на собрании на хут. Зубова (Семеновская волость Кавказского отдела) и в своем докладе указал на необходимость в срочном порядке сдать все ценности, находящиеся в церкви в пользу голодающих [17, л. 216]. У церкви было изъято 11 предметов общим весом в 3 $\frac{1}{4}$ фунта серебра [17, л. 91–93].

В Вознесенской церкви ст. Расшеватской было изъято серебра на 20 фунтов и 88 золотников [17, л. 136], в Михайло-Архангельской церкви ст. Темижбекской – 1 пуд 16 фунтов и 84 зол. [17, л. 147–147об], в Николаевской церкви станицы Ново-Владимирской и молитвенном доме на хут. Белевцевых – 14 $\frac{1}{4}$ фунта [17, л. 157], в Иоанно-Богословской церкви станицы Алексеевской – 1 и $\frac{1}{8}$ фунта [17, л. 155], в Александро-Невской церкви станицы Тихорецкой – 23 фунта 68 зол. [17, л. 219–221]; в церкви Пророка Ильи станицы Ильинской – 1 пуд 2 фунта 12 зол. [17, л. 23], но во многих хуторских церквях оказалась только медная утварь [17, л. 17].

Изъятию подлежали в основном изготовленные из серебра чаши большие и малые, диски, лжицы, звездицы, ковши, тарелочки, кресты для треб, переплеты Евангелий, оклады икон, кадила, дароносицы, дарохранительницы. Зачастую при уполномоченном не было весов [17, л. 187] и предметы богослужения забирали по акту без указания веса, как это произошло в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в станице Ново-Бекешевской [17, л. 156], или были только гири, и вес указывался примерно, без золотников (церковь Св. Николая Чудотворца при станции Тихорецкая Владикавказской железной дороги) [17, л. 181]. Опись изъятого подписывали председатель комиссии, священник церкви, члены церковного совета и уполномоченный. Часто в описях отсутствовала подпись священника, в основном «по болезни», но иногда священники покидали приход, ставший малочисленным по причине голода. Так, зам. исполкома станицы Ново-Романовской (Кавказский отдел Кубанской области) дал справку уполномоченному о причине отсутствия подписи священника при изъятии церковных предметов: «отсутствие священника сопряжено с голодом...» [17, л. 185–186]. Нередко из-за малой ценности предметов

их оставляли в церкви под ответственность настоятеля, который давал расписку в получении циркуляра от 28.IV.1922 г. за № 3724 [17, л. 127, 140], и обязывался хранить вещи до особого распоряжения [17, л. 164, 168, 169, 172]. Ответственность в таком случае за сохранность предметов ложилась на причт и священника. Так, была удовлетворена просьба прихожан Николаевской церкви хут. Ново-Покровского, обратившихся в Кавказскую отдельскую комиссию по изъятию церковных ценностей, с просьбой об «оставлении на местах вещей и предметов и риз на иконах, ибо без этих предметов невозможно совершать богослужение, и снятие иконных риз кощунственно портит и обезображивает иконы, а к ним прихожане очень привыкли». Причт взял на себя ответственность за целостность и сохранность вещей: «беречь до особого распоряжения, а за неисполнение подлежит привлечению к ответственности по закону»; поручился за сохранность свящ. Александр Берёза [17, л. 159]. Иногда священники проявляли осторожность: свящ. Успенской церкви хут. Тихорецкого Димитрий Гливенко в «стандартной» расписке, напечатанной на пишущей машинке, собственноручно приписал: «В случае кражи, при соответствующем оправдательном документе, указанную ответственность с себя снимаем». Под его ответственность в церкви оставляли «ценностей» на 16 ½ фунта [17, л. 176]. Священник Казанской церкви станицы Новорождественской Кавказского отдела Николай Голензовский собственноручно составляет опись всего имущества церкви и сдает государству 28 фун. 29 зол. серебра, при этом он указывает, что старой церковной описи нет, так как она была реквизирована в 1920 г. ревкомом «на нужды своей канцелярии» [17, л. 191, 192]. После проведения изъятия церковных ценностей весом 23 фунта 68 зол. в Александроневской церкви станицы Тихорецкой прихожане и причт во главе с протоиереем А. Альбицким обратились в комиссию об оставлении на сохранении предметов культового предназначения [17, л. 219–221]. Вероятно, такая практика имела распространение. Многие богослужебные предметы были в единственном числе при наличии двух или трех престолов в храме. Более того, в хуторских молельных домах и небольших церквушках не было не только утвари, но и священников, службы проводились по большим праздникам приглашенными священнослужителями, которые приезжали на богослужение со своей утварью, поэтому церковные советы извещали комиссию об отсутствии «церковных ценностей» [17, л. 44].

После проведения описи настоятели храмов часто были вынуждены ходатайствовать перед Кавказской отдельской комиссией об оставлении при церкви отдельных номеров описи, «так как без этих предметов невозможно совершать богослужение, а снятие риз нарушает вид икон, к каковым привыкли жертвователи-прихожане» [17, л. 202, 203об]. В апреле 1922 г. под расписку свящ. Иллариона Прудникова в церкви были оставлены «на хранение» серебряные лжица, три чаши, дискос, ковчег, Евангелие в серебряном окладе общим весом 8 ½ фунта [17, л. 123, 124], необходимые для литургии. Приходской совет церкви в станице Дмитриевской пошел на решительное

отделение «духовного» от материального и получил разрешение комиссии отпороть текст Евангелия и оставить его при церкви, а серебряный оклад весом 11 фунтов и 28 зол. сдать государству [17, л. 212].

Верующие сопротивления комиссии не оказывали и препятствий не чинили, единственный случай нападения на уполномоченного по изъятию ценностей тов. Окрасинского, который был ранен «при исполнении своих обязанностей» произошел в Кропоткине [17, л. 154].

Уполномоченные не справлялись в срок с реквизициями. В мае 1922 г. один из них сообщает в отдельскую комиссию, что изъятия были проведены в станицах Малороссийской, Новодонецкой, Александро-Невской, Доно-Хоперской, Бузиновской без всяких «эксцессов», но в Березанской, Иркилевской и Балковской станицах не был и просит выслать в них другого уполномоченного [17, л. 39]. Медленные темпы антицерковной кампании вызывали беспокойство у партийных органов. Например, городской комитет Тихорецкой организации РКП(б) настойчиво просил «скорее приступить к изъятию ценностей» [17, л. 158].

Конфискационная антицерковная кампания закончилась в Кубано-Черноморской области 22 июля 1922 г. По ее итогам только в Краснодаре было собрано: серебра – 23 пуда 16 фунтов 57 золотников 48 долей, золота – 16 золотников 27 долей. В целом по области было собрано серебра 136 пудов, 1 фунт. 40 зол., а золота 4 фунта 63 зол. 55 долей. Но эти данные, видимо, далеки от точности. Принятие ценностей продолжалось в облфинотделе и после. Кавказский отдел собрал серебра 33 фунта 75 зол., Армавирский (Лабинский) отдел – серебра: 16 пудов, 29 фунтов 86 зол., золота: 39 зол. 29 долей [10, с. 329–330]. Цифры эти не всегда соотносятся с тем имуществом, которое было описано и «оставлено на хранение» при сельских и станичных церквях, или изъято. Сведения областного финотдела об изъятых ценностях следовало бы сопоставить с данными описей имущества церквей и весом подготовленных к конфискации литургических предметов. Однако, к сожалению, не все описи имущества сохранились в архивах. Остается неизвестно: оставлено ли было и в каком составе (количестве) серебро в церквях – чаши, кресты и прочее, использовавшееся в богослужении и не подлежавшее изъятию, согласно инструкции, разработанной Кубано-Черноморской областной комиссией в марте 1922 г. Это тот необходимый «комплект» для богослужения, о котором часто ходатайствовали священнослужители перед комиссией.

Мероприятия по изъятию церковных ценностей на Кубани вышли за границы месячного срока, который был определен центральной властью. Пропагандистская кампания не обеспечила должного понимания происходящего со стороны населения и верующих, которые восприняли «изъятие» как очередную грабительскую акцию со стороны государства. Властям пришлось прибегать к репрессивным мерам, насилию и угрозам по отношению к священнослужителям и прихожанам. Приход большевиков на Кубань в 1920 г. и Гражданская война сопровождались разорением и разграблением церковного

имущества, поэтому в восточных районах Кубано-Черноморской области – Армавирский и Кавказский отделы – не оказалось ни крупных городов, ни богатых монастырей, которые могли бы обеспечить большие сборы золота и серебра, а сельские церкви были бедны. Проведению кампании «без эксцессов» содействовал переход основной части кубанского духовенства на позиции обновленчества, тяжелые воспоминания о «красном терроре» против священнослужителей, а также депрессивная социально-психологическая обстановка, вызванная голодом 1921 г. Необходимость физического выживания для населения оказалась выше потребностей духовной свободы и отстаивания своих церковно-религиозных прав. Тем не менее, несмотря на эти обстоятельства, население восточных районов Кубано-Черноморской области отозвалось на призыв Церкви оказать милосердную помощь голодающим, исполнен был и декрет ВЦИКа, хотя уверенности у священнослужителей и верующих в том, что оказанная помощь в виде изъятых церковных ценностей будет использована государством по назначению, не было.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) : материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью : в 2 кн. Кн. 1 / сост. Г. Штриккер. – М. : ПроPILEI, 1995. – 400 с. – Текст : непосредственный.
2. Известия ВЦИК. – 1922. – 15 марта. – Текст : непосредственный.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. – Текст : непосредственный.
4. Рожков, А. Ю. Обновленцы и мученики / А. Ю. Рожков. – Текст : непосредственный // Дело мира и любви : очерки истории и культуры православия на Кубани / науч. ред. О. В. Матвеев. – Краснодар : Православный Екатеринбург ; Традиция, 2009. – С. 127–138.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 88. – Текст : непосредственный.
6. Кияшко, Н. В. Из истории возникновения и развития обновленческого раскола на Кубани в первой половине XX века / Н. В. Кияшко. – Текст : непосредственный // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений : материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани, 30 окт. – 1 нояб. 2015 г.) / под ред. Т. Г. Письменной, А. Н. Рябикова, Е. В. Манузина. – Славянск-на-Кубани, 2015. – С. 50–58.
7. Красное знамя. – 1922. – 25 марта. – Текст : непосредственный.
8. Красное знамя. – 1922. – 6 апреля. – Текст : непосредственный.
9. Красное знамя. – 1922. – 22 и 23 апреля. – Текст : непосредственный.
10. Бабич, А. В. К вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году / А. В. Бабич. – Текст : непосредственный // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 6 / сост.: А. М. Авраменко, В. К. Чумаченко. – Краснодар–Киев : ЭДВИ, 2012. – С. 319–331.
11. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 : в 2 кн. Кн. 1. – Новосибирск–М. : РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997. – 586 с. – Текст : непосредственный.

12. Петров, С. Г. О роли И.В. Сталина в формировании антирелигиозной политики большевиков в первой половине 1920-х гг. / С. Г. Петров. – Текст : непосредственный // Конфессиональная политика советского государства в 1920–1950-е гг. // Материалы XI Международной научной конференции. Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. – М., 2019. – С. 40–52.

13. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь XX века : компьютерная база данных. – URL: <http://www.pstbi.ru>. – Текст : электронный.

14. Соловьев, И., свящ. «Живая церковь» / И. Соловьев, свящ. – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия : в 64 т. Т. 19. – М., 2008. – С. 168–172.

15. Цыпин, В., прот. Антонин (Грановский), бывший епископ Владикавказский и Моздокский, деятель обновленческого раскола / В. Цыпин, прот., Иннокентий (Павлов), игум. – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия : в 64 т. Т. 2. – М., 2001. – С. 682–684.

16. Архивный отдел муниципального образования город Армавир. Ф.Р-486. Оп. 1. Д. 30. – Текст : непосредственный.

17. Архивный отдел муниципального образования город Армавир. Ф.Р-44. Оп. 1. Д. 78. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov vsovetskoe vremya (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdu gosudarstvom i Tserkovyu [Russian Orthodox Church in Soviet times (1917–1991). Materials and Documents on the History of Relations between the State and the Church]. Comp. by G. Shtrikker. M., Propilei, 1995, book 1. 400 p.

2. Izvestiya VCIK [Bulletin of ARCEC]. March 15, 1922.

3. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). Fund P-102, inventory 1, case 287.

4. Rozhkov A. Yu. Obnovlency i mucheniki. Delo mira i lyubvi: ocherki istorii i kul'tury pravoslaviya na Kubani [Renovationists and Martyrs. A Matter of Peace and Love: Essays on the History and Culture of Orthodoxy in the Kuban]. Krasnodar, Orthodox Yekaterinodar; Tradition, 2009, pp. 127–138.

5. GAKK [SAKK]. FundP-105, inventory 1, Case 88.

6. Kiyashko N.V. Iz istorii vzniknoveniya i razvitiya obnovlencheskogo raskola na Kubani v pervoy polovine XX veka [From the history of the origin and development of the Renovationist Schism in the Kuban in the first half of the 20th century]. Severnyy Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya etnokonfessionalnykh otnosheniy: materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf. = North Caucasus: Problems and Prospects for the Development of Ethno-Confessional Relations: Materials of the II All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, Slavyansk-on-Kuban, 2015, pp. 50–58. (In Russian).

7. Krasnoe znamya [Red banner]. March 25, 1922.

8. Krasnoe znamya [Red banner]. April 25, 1922.

9. Krasnoe znamya [Red banner]. April 22, 23, 1922.

10. Babich A. V. K voprosu ob izyati tserkovnykh tsennostey na Kubani v 1922 godu [On the question of the seizure of church property in the Kuban in 1922]. Kuban – Ukraina: voprosy istoriko-kulturnogo vzaimodeystviya = Kuban – Ukraine: Issues of Historical and Cultural Interaction. Krasnodar–Kyiv, EDVI, 2012, iss. 6, pp. 319–331. (In Russian).

11. Arkhivy Kremlya. Politbyuro i tserkov. 1922–1925. [Kremlin archives. Politburo and Church. 1922–1925]. Novosibirsk–M., ROSSPEN, Siberian Chronograph, 1997, book 1. 586 p.

12. Petrov S.G. O roli I.V. Stalina v formirovanii antireligioznoy politiki bolshevikov v pervoy polovine 1920-h gg. [About the role of I.V. Stalin in the formation of the anti-religious policy of the Bolsheviks in the first half of the 1920s.]. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii = Proceedings of the XI International Scientific Conference, M., 2019, pp. 40–52. (In Russian).

13. Novomucheniki, ispovedniki, za Khrista postradavshie v gody goneniya na Russkuyu Pravoslavnuyu Tserkov XX veka [New Martyrs, Confessors, Who Suffered for Christ during the Tears of Persecution against the Russian Orthodox Church of the 20th century]. Available at: <http://www.pstbi.ru>. (In Russian).

14. Solovyev I., Priest. "Zhivaya tserkov" ["Living Church"]. Pravoslavnaya entsiklopediya = Orthodox Encyclopedia, vol. 19, pp. 168–172. (In Russian).

15. Tsypin V., prot., Innokentiy (Pavlov), igumen Antonin (Granovskiy), byvshiy episkop Vladikavkazskiy i Mozdokskiy, deyatel obnovlencheskogo raskola [Antonin (Granovsky), former Bishop of Vladikavkaz and Mozdok, leader of the Renovatianist Schism]. Pravoslavnaya entsiklopediya = Orthodox Encyclopedia, vol. 2, pp. 682–684. (In Russian).

16. Arkhivnyy otdel munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Armavir [Archival Department of Armavir]. Fund P-486, inventory 1, case 30.

17. Arkhivnyy otdel munitsipal'nogo obrazovaniya gorod Armavir [Archival Department of Armavir]. Fund P-44, inventory 1, case 78.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малахова, А. С. Кампания по изъятию церковных ценностей на Кубани в 1922 году: общественные настроения в восточных районах / А. С. Малахова, С. Н. Малахов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 109–122.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Malakhova A. S., Malakhov S. N. The Campaign to Seize Church Values in Kuban in 1922: Public Mood in the Eastern Regions / A. S. Malakhova, S. N. Malakhov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 109–122. (In Russian).